

Ящеркой я называл её, и ящеркой она для меня и была — юркой ящеркой, выныривающей из пёстрой толпы в метро, чтоб обнять меня в центре зала; юркой ящеркой, чьи пальцы проскальзывают мне под ремень брюк, сводя меня с ума; доисторической рептилией, извивающейся в моих объятьях.

Я встретил её в апреле в городском парке, млеющую в первых тёплых лучах. Рука её с карандашом иногда лениво пробежала по альбомному листу и замирала; в чуть прищуренном взгляде — мезозойская задумчивость. Я не был вполне человеком, когда сошёл с асфальта на пробивающуюся траву и сел с нею рядом; меня вело более древнее чувство — то, должно быть, которое толкало первых в мире самцов к первым в мире самкам ещё задолго до кайнозоя. Чувство это было такое древнее, что язык не был ему нужен, и я молчал; тогда Ящерка, окинув меня нездешними своими глазами, прожурчала: «Нарисовать тебя?»

Мы спали с ней впервые за городом, в лугах, бросив на траву плед. Ящерка разделась сама как-то на удивление быстро — просто выскользнула из своего сарафана и нависла надо мной, раскинувшись на спине, голая. Её маленькие соски касались моей груди, а шустрые пальцы скользнули туда, где уже было так твёрдо и горячо. Почти до самого конца она то жмурилась, то смотрела мне пронизывающе, а потом вдруг выгнулось по-звериному, и небо отразилось в её глазах. Я успел подумать, что она будто бы слушает какие-то слова поддержки на неведомом небесном языке — дескать, держись, детка, мезозой здесь, мезозой с тобой. А секунду спустя я уже ни о чём не мог думать, кроме её вкуса и запаха.

Ящерка была рядом, рисовала чудные картины и не отказывала мне ни в чём, а я не мог понять, к чему же ревную её. Так оно и звучало в голове — к чему, а не к кому. Не к мезозою же?

Мы были знакомы месяца три, когда я позвал её составить мне компанию на дне рождения Дженни, моей бывшей одногруппницы и хорошей подруги. Там было красное вино, и белое вино, и виски, и какой-то сладкий крепкий ликёр с непроизносимым названием; К часу ночи гости разошлись, а мы с Ящеркой всё оставались — нам было уютно, и я знал, что наше общество не стесняет Дженни.

«Включите кто-нибудь музыку, хочу танцевать!» — звенящим пьяным голосом попросила Ящерка. Дженни приволокла ноут, и заиграло что-то медленно, кажется, восточное, с томным женским вокалом. «Кто-нибудь будет со мной?» — предложила Ящерка, но мы с хозяйкой квартиры расселись, нетрезвые и расслабленные, на диване, и Ящерка начала одна. Её обтянутые узкими джинсами бёдра плавно перекатывались, каштановые волосы струились по плечам. Скинув флиску, она осталась в крохотном топике, и я наблюдал с наслаждением, как изгибается в такт музыке её стройная талия, отражая нежный неяркий свет высокого торшера.

— Мне плохо видно! — требовательно рассмеялась Дженни, — Подойди ближе!

Ящерка улыбнулась как-то на удивление кротко, и, не прерывая танца, приблизилась к моей подруге. Руки её всё так же легко и плавно извивались вокруг её тела, и всё так же покачивались бёдра, но теперь я видел: она танцует для Дженни.

— Всё ещё плохо видно, — усмехнулась зрительница, — Наверное, мешает топик.

— Так лучше? — откликнулась Ящерка, стягивая чёрный клочок ткани через голову. Лифчик

на неё был тоже чёрный, кружевной.

— Посмотрим. Танцуй.

Вслед за лифчиком отправились и джинсы, и вот уже Ящерка извивалась перед нами в одном нижнем белье, поблёскивая пьяными чёрными глазами; Мою девушку заставляли раздеваться прямо на моих глазах, но мне не хотелось вмешаться и остановить — происходящее было красивым, и, чего уж тут скрывать, возбуждающим.

— Подойди-ка теперь сюда, — потребовала Дженни, которую тоже явно заводила эта неожиданная игра.

Ящерка послушно сделала пару шагов вперёд и замерла с каким-то абсолютно нечитаемым выражением в глазах. Дженни уверенно обняла её за талию и усадила к себе на колени. Миг — и её ладонь скользнула в чашечку чёрного лифчика, сжимая там такой знакомый мне маленький сосок. Ящерка тихо застонала, откидывая назад голову и закусывая розовую пухлую губу.

— Снять с тебя эту тряпочку? — дразнящим голосом спросила Дженни.

— Да-а, пожалуйста, — немедленно откликнулась Ящерка хриплым млеющим шёпотом.

Срывающееся на стон дыхание наполнило комнату, когда руки Дженни, освободив груди моей девушки, начали нежно поглаживать их.

— Кажется, я ещё не всё тут потрогала, — и уверенные пальцы скользнули Ящерке в трусы. Та негромко вскрикнула и прижалась к Дженни.

Я не мог уже просто наблюдать за этим — рука моя сама скользнула к молнии на джинсах; Дженни, увидев это, залиvisto рассмеялась.

— Кажется, ты чересчур эгоистична, милая девочка, — обратилась она к Ящерке. — И я, и твой друг чересчур одеты. Сделай-ка с этим что-нибудь, и побыстрее!

Тонкие и юркие руки моей славной девочки проворно пробежали по пуговицам на рубашке Дженни; затем Ящерка соскользнула на пол, и, встав перед Дженни на колени, быстро разобралась с молнией её брюк; потом пришла очередь застёжек бюстгальтера. Оставшись в одних лишь трусиках, Дженни резко встала, и смотрящая на неё снизу вверх Ящерка медленно потянула вниз эту кружевную белую тряпочку; Я пытался поймать её взгляд, но она смотрела лишь на открывающееся ей зрелище — совсем не так, как обычно смотрела на меня;

— Хотела б я прямо сейчас почувствовать тут твой язычок, — томно мурлыкнула Дженни, — Но ты ведь кое-что ещё должна сделать.

Ящерка встала и подошла ко мне; она раздела меня необычайно ловко, и, когда её тёплые пальцы будто бы случайно задели багровую набухшую головку моего члена, томная горячая волна прокатилась по моему телу. Я изо всех сил прижал её к себе; мой пульсирующий член упирался ей в живот, и это было очень приятно, но хотелось большего, хотелось внутрь, глубже;

— Иди-ка ко мне, красавица! — нетерпеливо позвала Дженни, сидящая на диване с широко разведёнными ногами, и сексуальная рептилия каким-то непостижимым образом выскользнула из моих объятий. Миг — и она на коленях перед Дженни, её язычок летает вокруг красного клитора той, и та, запрокинув голову, стонет протяжно и развратно.

Мои пальцы сами обхватили мой распухший от нестерпимого желания член, когда именинница, на секунду вынырнув из своей сладкой нирваны, позвала меня:

— А чего это мою нежную девочку никто не трахает, а? Она же так старается!

Мне не нужно было второго приглашения. Я немедленно стянул с Ящерики последний элемент её одежды — мокрые насквозь трусики, и провёл указательным пальцем вокруг её сочащейся дырочки. Мой член отлично помнил дорогу дальше, но, кажется, никогда раньше я не входил в приветливое лоно своей девушки с таким острым наслаждением. Тёплая сладкая влага будто бы обволокла меня; Я видел лишь, как Ящерица податливо покачивает задницей в такт моим движением, не отрываясь, однако, от аппетитного клитора Дженни. Я трахал её глубоко и быстро, и с её губ срывались тихие вскрики, и именинница дышала всё глубже и глубже;

Мне казалось, что так не бывает, но мы кончили все трое одновременно.

На следующее утро было, конечно, похмелье; Ящерица, вынырнув из кровати первой, притащила нам с Дженни парацетамол и воды запить его.

— Слушай, о вчерашнем; — неуверенно начала Дженни.

— Тсс, — с улыбкой прервала её Ящерица, прижимая палец сначала к своим губам, потом к губам хозяйки, потом к моим. И мы согласились с ней без слов и более не вспоминали о произошедшем. Оно осталось нашим маленьким секретом на троих.

Я очень нервничал, когда пришло время познакомить Ящерику с мамой. Они казались мне такими разными — строгая подтянутая пятидесятилетняя бизнес-леди и моя юная творческая гибкая девочка. Но ужин прошёл на удивление удачно. «Она у тебя такая славная и весёлая!» — сказала мне после мама с улыбкой.

Однако с приходом осени веселья в Ящерице стало меньше. Чем холоднее становилось за окном, тем чаще я ловил в её взгляде какое-то тоскливую раздражённую обеспокоенность. Когда я спросил её об этом, она сначала отвечала уклончиво, но потом созналась, что у неё очень плохие отношения с семьёй. В тёплые дни она рисовала в центре города и парках, и возвращалась домой лишь когда становилось совсем темно. «Но теперь так холодно,» — всхлипнула она, — «И темнеет рано очень».

Решение было очень простым — через три дня Ящерица с туго набитым походным рюкзаком перебралась к нам с мамой.

Как нам было хорошо первый месяц! Мы пили по вечерам чай все втроём и обменивались смешными историями. Мы смотрели вместе фильмы. Мы засыпали с Ящерицей вместе в одной кровати.

А потом; А потом я вернулся домой с работы раньше обычного и открыл знакомую мне с детства дверь не вовремя. Ящерица сидела на коленях у моей матери в белом кружевном белье. Мамина офисная блузка была расстёгнута. Женщины страстно целовались, мама с закрытыми глазами, а Ящерица с открытыми; с тем самым взглядом, что я видел ещё тогда, в гостях у Дженни. И на этот раз я наконец понял очевидное — как я мог не замечать этого! Никогда Ящерица не смотрела так ни на меня, ни на какого-то другого мужчину — только на женщин. Только женщины возбуждали её инстинктивно, животной — только с ними она становилась той самой самкой, жаждущей совокупиться — тут-то и был исток её мезозойской тоски;

Секунд пять я наблюдал эту сцену молча, потом сдавленно чертыхнулся. Ящерица обернулась — чудовищно медленно для такого момента. Мама вскрикнула.

Какое-то время мы ничего не говорили. Моя мать смотрела на меня, и похоть на её лице спешно сменялась стыдом и паникой. А Ящерица смотрела сквозь меня, смотрела и не видела.

В её глазах всё так же били хвостами древние рыбы и ревели динозавры.